

Глава 20. Время есть торт

Примерно второго числа этого месяца Янь Шань и Юань Пэй крупно повздорили.

Причина была донельзя проста: Янь Шаню показалось, что про него забыли.

В последнее время Юань Пэй всё чаще пропадал с Лу Цунбаем на радиоузле. Иногда они звали с собой Вэнь Чжаочжао, но Янь Шаня в их компанию не приглашали ни разу.

Юань Пэй оправдывался: мол, они вовсе не прохлаждаются, а готовят программу со стихами к школьному празднику — дело серьёзное и ответственное. Но Янь Шань, хоть и знал об этом, всё равно упрямо искал повод для ссоры.

Как-то раз после уроков он ворвался на радиоузел и выплеснул на Юань Пэя всё своё негодование. Высказал всё, что думал, и тут же сбежал, не дав другу и слова вставить в ответ. Перед Вэнь Чжаочжао Юань Пэю стало невыносимо стыдно.

Потеряв лицо перед «богиней», Юань Пэй не на шутку разозлился и решил в отместку просто игнорировать Янь Шаня.

Но тот не унимался. Несколько дней спустя он подкараулил Лу Цунбая и сердито спросил:

— Зачем ты притащил Вэнь Чжаочжао на радиоузел? Пэй-пэй и так парень шепутной, а теперь его и вовсе не доищешься.

Лу Цунбай, не понимая, в чём его вина, тоже вспылил:

— А я-то тут при чём? Мне сказали позвать её — я позвал. В чём проблема? Тебе лишь бы повод найти, чтобы придраться. У тебя что, обострение социофобии?

Янь Шань, уже собиравшийся уходить, припадая на больную ногу, резко обернулся и огрызнулся:

— Да, чёрт возьми! Я просто боюсь остаться один, ясно тебе? Тебя это не касается!

Лу Цунбай вскочил, желая продолжить спор, но Янь Шань уже выбежал из класса.

В те дни Янь Шань напоминал бочку с порохом: он то и дело срывался на окружающих. Лу Цунбай, доведённый до белого каления, решил, что с него хватит. Пусть этот задира посидит в одиночестве и немного остынет.

***

Растеряв всех друзей после череды ссор, Янь Шань быстро раскаялся. Он чувствовал себя незрелым и виноватым, особенно перед Юань Пэем.

Пэй-пэй ведь не сделал ничего плохого. В конце концов, друзья — это просто друзья, и никто не вправе требовать друг от друга абсолютной преданности, превращая дружбу в оковы.

Янь Шань успокоился и решил во что бы то ни стало загладить вину.

Первым делом он направился к Лу Цунбаю.

В понедельник, во время торжественной линейки, он нарочно пристроился в строю прямо за ним. Когда флаг был поднят и на трибуне начались речи, он незаметно придвинулся к уху Лу Цунбая и прошептал:

— Эй, А-Цэ, я это... извиниться хотел.

Горячее дыхание коснулось ушной раковины, вызвав неприятный зуд. Лу Цунбай вздрогнул, втянул шею в плечи и хмуро оглянулся:

— Ты что творишь?

— Прошу прощения, — искренне сказал Янь Шань. — Прости меня, а? Я накричал на тебя на днях, повёл себя как придурок. Мне правда жаль.

На самом деле Лу Цунбай давно остыл. Честно говоря, он даже не принял ту ссору близко к сердцу. С его графиком — подработками репетитором и бесконечной учёбой — на такие пустяки просто не оставалось сил.

Но сейчас, под первыми лучами утреннего солнца, он увидел, как в глазах Янь Шаня пляшут золотистые искры. Парень заискивающе, почти по-детски улыбнулся, а его длинные ресницы подрагивали. В этот миг он выглядел до странности хорошо.

Лу Цунбаю вдруг вспомнилась лиса, которую он недавно видел во сне.

В душе воцарилось непонятное смятение. Он неловко отвернулся и буркнул:

— Пустое. Я не сержусь.

Янь Шань с недоверием присмотрелся к нему. Лу Цунбай молчал, опустив голову и глядя куда-

то в землю, словно замороженный.

«Точно всё ещё дуется за тот срыв», — подумал Янь Шань. Наверное, он и впрямь наговорил лишнего и задел парня за живое. Нехорошо вышло.

Он помедлил секунду, а затем вдруг рванулся вперёд и, точно спрут, обнял Лу Цунбая за шею.

— А-Цэ, брат Лу, хороший мой, — запричитал он, не давая тому вырваться. — Будь выше этого, прояви великодушие! Я правда осознал свои ошибки. Если накопело — выскажи всё мне в лицо, только не молчи, не игнорируй меня!

—... Отпусти сначала, — выдохнул Лу Цунбай.

Янь Шань лишь сильнее сжал объятия:

— Не отпущу. А то уйдёшь и затаишь обиду. А мне нужно поддерживать свой безупречный имидж!

Лу Цунбай попытался разжать его руки, но тщетно. Увернуться тоже не получалось. В конце концов ему оставалось только тяжело вздохнуть.

— Да не злюсь я, честно, — обречённо повторил он. — Только отпусти уже, ради всего святого.

Янь Шань моргнул и, положив подбородок на плечо друга, пытливо заглянул ему в лицо:

— Правда?

— Правда. Я сейчас задохнусь.

Тогда Янь Шань наконец разжал руки.

***

Даже когда линейка закончилась и они вернулись в класс, Янь Шань не был уверен, что Лу Цунбай действительно его простил.

Тот шёл, понуриив голову, с пунцовыми ушами и каким-то пришибленным видом, словно его только что незаслуженно обидели. В классе он не проронил ни слова: достал учебники, с грохотом сбросил их на парту и весь урок просидел, уставившись в одну точку на доске.

Янь Шань терзался сомнениями, но расспрашивать больше не решался.

Уладив дела с Лу Цунбаем, он принялся готовить извинения для Юань Пэя.

Вернувшись домой, он заперся в комнате, размышляя, как сделать свой подарок по-настоящему искренним. Взгляд его упал на рабочий стол, где лежала почти законченная картина.

Это был куст роз под бездонным, усыпанным звёздами небом. Идея пришла к нему, когда он перечитывал «Маленького принца» — главу о саде роз.

Ему подумалось, что он сам похож на ту капризную розу: до ужаса боится одиночества, но при этом упрямо выпускает шипы, отталкивая тех, кто ему дорог.

Вдохновение нахлынуло внезапно. Янь Шань быстро закончил рисунок, проработал детали и, перевернув холст, вывел на обороте:

«Дарю тебе эти цветы. Не сердись больше».

«С днём рождения».

Когда краска высохла, он вставил картину в стеклянную раму и упаковал в красивую бумагу.

— Даже если не смогу извиниться лично, этот подарок всё скажет за меня, — пробормотал он, завязывая ленту.

Он вынес сверток в гостиную, положил его к остальным подаркам на столе и набрал номер Юань Пэя. Тот был на репетиции, но, услышав о сюрпризе, мгновенно оживился:

— Что? Подарки?! Ха-ха, подожди меня! Как закончим здесь, я сразу прилечу. Мы с братом Лу зайдём вместе.

— Идите, конечно, — улыбнулся Янь Шань. — Мне как раз нужно заскочить за красками, так что дома меня не будет. У Лу Цунбая есть ключи, пусть откроет. Подарки на столе, на каждом — имя. Сами разберётесь.

На том конце провода Юань Пэй что-то неразборчиво крикнул. Янь Шань прислушался и уловил удивлённый голос Лу Цунбая:

— Он и для меня приготовил подарок?

Янь Шань загадочно усмехнулся и повесил трубку. В хорошем настроении он насвистывал весёлый мотив, отправляясь в магазин.

***

Юань Пэй и Лу Цунбай добрались до дома Янь Шаня только через два часа, вконец измотанные репетицией.

Едва дверь открылась, Юань Пэй вихрем влетел внутрь с криком:

— О-о, мои дары! Мои сокровища! Е-е-е!

Лу Цунбай, закрыв дверь, с сомнением посмотрел на журнальный столик:

— Неужели наши подарки одинакового размера?

— Конечно! Шань-шань всегда за справедливость, — Юань Пэй уже схватил коробку со своим именем и легонько потряс её. Внутри что-то увесисто отозвалось. — Ого! На этот раз он не поспешил!

Он отложил свою коробку и потрогал ту, что предназначалась Лу Цунбаю. Она была легче, внутри что-то шуршало, но почти не двигалось.

— Твоя набита доверху, — со знанием дела заключил Юань Пэй.

Лу Цунбай нерешительно подошёл ближе и осторожно взял свой подарок. Ему до сих пор не верилось, что это происходит наяву. Он никогда раньше не получал подарков на день рождения.

Юань Пэй тем временем перебирал вещи на столе.

— Тут ещё торт «Красный бархат». Я такой не ем. О, на чеке твоё имя, значит, это тоже тебе. И вот эта плоская штука... что это, рамка? — Он повертел в руках свёрток. — Лежало сверху на твоей коробке, так что, видимо, тоже твоё.

Лу Цунбай застыл с подарками в руках.

— Слишком много, — пробормотал он. — Наверное, Янь Шань сильно потратился.

— Ой, да не бери в голову, — отмахнулся Юань Пэй, уже вовсю разрывая упаковку. — Шань-шань такой и есть. Характер у него, конечно, тот ещё, но за друзей он горой.

Внутри коробки Пэя ждала целая гора мелочей, и к каждой была приложена карточка с объяснением. Янь Шань подошёл к делу с душой. Не прошло и четверти часа, как Юань Пэй изучил все свои обновки. Всё пришлось ему по вкусу, и от недавней обиды не осталось и следа.

— Ну, Янь Шань даёт! — восхитился он. — О таких наушниках я полгода мечтал.

Лу Цунбай тоже вскрыл свой подарок. Стоило перерезать ленту, как крышка коробки с тихим хлопком отскочила в сторону. Парни вздрогнули. Внутри, до самых краев, коробка была забита сладостями.

Юань Пэй потерял дар речи:

— Сколько тут всего... Я в шоке. Как он вообще это туда впихнул? Он что, думает, ты в жизни конфет не видел?

Янь Шань, признанный мастер упаковки, явно применил здесь все свои таланты.

Лу Цунбай молча смотрел на это море снеков. О некоторых деликатесах он только слышал, а другие видел в магазинах, но никогда не решался купить — слишком дорого.

Янь Шань, сам того не зная, исполнил его маленькую тайную мечту.

Они разложили всё содержимое на столе. Среди прочего обнаружили две большие коробки Ferrero Rocher, которые были так плотно зажаты на дне, что их пришлось вытаскивать с трудом.

— А разве Ferrero Rocher дарят не девушкам? — озадачился Юань Пэй.

Лу Цунбай запнулся на мгновение:

— Не болтай глупостей.

— Да я шучу! Слушай, брат Лу, попробуй сейчас. Говорят, этот набор — просто отвал башки, хотя и приторный до жути.

Лу Цунбай съел одну конфету, облизал пальцы и довольно причмокнул.

— Слишком сладко, — признал он. — Но вкусно.

Янь Шань нашёл кратчайший путь к его сердцу — через желудок. Лу Цунбай почувствовал, как внутри разливается тепло. Мысль о том, что кто-то потратил столько сил, чтобы порадовать

его, заставляла сердце биться чаще. Оказывается, быть кому-то важным — это удивительно приятное чувство.

Юань Пэй, закончив осмотр подарков друга, вернулся к своим. Он достал две книги на английском. Одна была «Маленький принц», которую Янь Шань обожал, а название второй он не смог прочитать.

— Эй, брат Лу, что это за книга? Переведи, а то я не силён.

Лу Цунбай взглянул на обложку и на секунду замер.

— Это Уайльд, — тихо ответил он. — Называется «Из бездны».

— А, — Юань Пэй почесал затылок и убрал книги обратно. — Я сказки не очень люблю. Но издание красивое, на полке будет смотреться солидно.

Он иногда читал английские книги, но предпочитал захватывающие романы. Сказки — это для детей, разве нет?

Лу Цунбай хотел было сказать, что это вовсе не сказка, но промолчал. В душе его снова поднялось странное смятение — точно такое же, как из-за тех коробок с конфетами. Ему стало как-то не по себе, словно он нечаянно обманул чьи-то надежды.

***

Юань Пэйю нужно было спешить домой к ужину, так что он быстро собрал свои вещи и убежал. В гостиной снова стало тихо.

Лу Цунбай медленно приводил в порядок журнальный столик, переваривая свои чувства. Затем его взгляд упал на торт.

Это был потрясающе красивый торт, украшенный изящными макаронами. На прозрачной крышке была прикреплена открытка: «Лу Цунбай, с днём рождения!».

Лу Цунбай замер, глядя на торт. Он осторожно отклеил карточку, перечитал её несколько раз и невольно улыбнулся.

— С днём рождения меня, — шепнул он.

Он включил свет, подтащил маленькую табуретку к журнальному столику и принялся за торт.

Бисквит был нежным и сочным, крем — легким и ароматным. Для Лу Цунбая, который слаще морковки ничего не ел, этот вкус стал настоящим откровением.

Это был первый раз в его жизни, когда кто-то приготовил для него именинный торт.

—... Спасибо.

Он ел жадно, большими кусками, и вдруг почувствовал, как защипало в носу, а перед глазами всё поплыло от подступивших слёз.

***

Янь Шань вернулся домой с полным рюкзаком красок — тот едва не трещал по швам. Парень запыхался, пока поднимался по лестнице.

Войдя, он обнаружил Лу Цунбая, который вместо того, чтобы идти на занятия, распластался на диване, поглаживая живот и лениво листая ленту в телефоне. На журнальном столике царил полный беспорядок — следы недавнего «пиршества».

Янь Шань огляделся и, широко разведя руками, в недоумении уставился на друга:

— А где торт? Такой огромный был! Куда он делся?

Лу Цунбай попытался сесть, но полный живот не давал разогнуться.

— Я его съел, — честно признался он, невинно хлопая глазами.

Парни уставились друг на друга. Лу Цунбай выглядел как напроказивший ребёнок, не знающий, куда деть взгляд.

Янь Шань прыснул от смеха:

— Да он же был на троих рассчитан! Я хотел вместе с тобой свечи задуть... Ты реально умял его в одиночку?

— Я просто не ужинал, вот и...

На столе осталась только пустая подставка с жалкими крошками и мазками крема. Янь Шань, прихрамывая, подошёл ближе, провёл пальцем по подставке, собирая остатки крема, и внезапно мазнул Лу Цунбая по щеке.

Тот в ужасе отшатнулся:

— Эй, ты чего! Не подходи!

Янь Шань с дьявольским смешком набросился на него. Завязалась шутливая потасовка. В итоге Янь Шаню удалось поставить жирную кремовую точку прямо посреди лба Лу Цунбая.

Лу Цунбай, отяжелевший от еды, почти не сопротивлялся и только издавал забавные звуки, похожие на приглушённый вой.

— Моё лицо! — причитал он. — Оно же всё липкое! Как можно еду на лицо мазать?

Янь Шань бесцеремонно отодвинул его, освобождая себе место на диване, и с облегчением плюхнулся рядом.

— Ничего ты не понимаешь, — выдохнул он, довольно потягиваясь. — Это символ. Имениннику всегда полагается порция крема на удачу. Мой младший брат, когда был жив, всегда требовал, чтобы я его так помечал.

— Кстати, ты хоть желание загадал перед тем, как всё сожрать?

— Какое ещё желание? — не понял Лу Цунбай.

Янь Шань резко обернулся к нему и широко раскрыл глаза:

— Ты съел торт и не загадал желание?!

Лу Цунбай втянул голову в плечи:

— А что, это какой-то запрет нарушает? Я не знал...

— Так не пойдёт! Быстро загадывай заново. А я присосежусь к твоей свечке и тоже загадаю что-нибудь. Например, сказочное богатство.

Янь Шань достал свечу, зажгёт её и, держа перед Лу Цунбаем, затянул хриплым басом:

— С днём рожденья тебя-а...

Лу Цунбай прыснул со смеху и легонько ударил его по руке:

— Перестань, это же глупость какая-то.

Но Янь Шань был непреклонен:

— Давай, желай. Нам ещё экзамены сдавать.

Против этого аргумента Лу Цунбай устоять не смог. Он сел поудобнее, задумался на секунду и произнес:

— Ладно. Хочу, чтобы мы и дальше так же хорошо учились. Или хотя бы не скатились.

Не успел он закончить, как Янь Шань зажал ему рот ладонью:

— Дурень! Желание нельзя вслух говорить, иначе не сбудется. Только про себя!

«Ну и правила у него», — подумал Лу Цунбай. Он хотел было возразить, но увидел, как Янь Шань сияет. Тот казался по-настоящему счастливым, хоть именинником был и не он.

В груди у Лу Цунбая что-то дрогнуло. Он молча принял совет друга. Они оба закрыли глаза и замерли перед крошечным огоньком свечи.

Лу Цунбай задул пламя. Теперь ему официально исполнилось шестнадцать.

Янь Шань захлопал в ладоши:

— Поздравляю! Теперь ты наполовину взрослый. А я на полгода младше, так что я официально моложе и симпатичнее. Ты что, сегодня к ученикам не пойдёшь?

Лу Цунбай снова откинулся на спинку дивана:

— Я взял отгул. Сегодня почему-то совсем не хочется никуда идти.

— И правильно, — одобрил Янь Шань. — У тебя день рождения, имеешь право хоть раз побыть обычным ребёнком. А ну, подвинься, я тоже хочу лечь.

Лу Цунбай нехотя сместился, освобождая место. Они лежали на диване плечом к плечу, уткнувшись в свои телефоны. Сил не было даже на то, чтобы разойтись по комнатам. Места было мало, и Янь Шань без зазрения совести закинул руку на грудь Лу Цунбая.

Тот лишь поудобнее перехватил телефон и продолжил листать экран.

Ощущение того, что они вот так теснятся вдвоем, дарило тепло и какое-то странное чувство надежности. Лу Цунбай поймал себя на мысли, что иметь кого-то рядом, с кем можно вот так просто делить будни, — это великое благо.

Оказывается, одиночество вовсе не было его осознанным выбором. Он просто не знал, что может быть иначе.

<http://bllate.org/book/17575/1712225>